

МЕТОДОЛОГИЯ

*В.Л. ТАМБОВЦЕВ***Институты в социологии,
политологии и правоведении:
взгляд экономиста**

Цель статьи – попытка помочь взаимопониманию исследователей, изучающих институты в рамках различных социальных дисциплин, а также реализующих междисциплинарный подход. Проанализированы сходства и различия в понимании термина “институт” в таких областях знаний, как экономическая теория, социология, политология и правоведение. Показано, что наиболее общее понимание институтов, которое облегчает нечеткие рассуждения, однако затрудняет строгий анализ соответствующих феноменов, присуще социологии.

Ключевые слова: институты, политология, социология, правоведение.

The paper is aimed to help mutual understanding among scholars researching institutions in the framework both of different social sciences and interdisciplinary one. Similarities and differences in the term “institution” treatment are analyzed in economics, sociology, political sciences, and legal studies. It is shown that most general conception of institutions exists in sociology. This conception facilitates ambiguous discourse but aggravate rigorous analysis of the associate phenomena.

Keywords: institutions, political science, science of law, sociology.

В короткой врезке “Определяя (неформальные) институты” в объемистом сборнике статей, опубликованном Центром развития ОЭСР по материалам конференции, посвященной влиянию неформальных институтов (НФИ) на экономическое развитие, Ж. Парлевлье [Parlevliet, 2007] выделяет три “строительных блока” возможных пониманий институтов: (А) поведенческие практики (*behavioural practices*), (Б) правила поведения (*rules of the game*) и (В) организации, отмечая, что социология опирается на понимание (А), новая институциональная экономическая теория склоняется к (А+Б), а традиционный институционализм использует понимание (А+В). Полностью соглашаясь с подобным подходом и отдавая должное его продуктивности, не могу не отметить также и *неполноту* состава предложенных блоков. Дело в том, что среди них отсутствует блок, который можно было бы назвать “факторы принятия решения о поведении” (Г), с разграничением на внутренние факторы (Г1), такие как убеждения, эвристики, установки, ценности и т.п., и внешние факторы (Г2): стимулы, определяемые внешней социальной средой, такие как социальное давление, официальные санкции и т.д.

Тамбовцев Виталий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией институционального анализа экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Введение такого блока позволяет более точно охарактеризовать различия в понимании институтов, существующие между разными теориями. Например, традиционный институционализм явно предпочитает опору на блок Г1¹, в то время как новый – на блок Г2 (исключая при этом блок В); социология основывается на трактовке А+Г2, социальная психология – на формуле института (точнее, нормы) А+Г, и т.д.

Далее я более подробно сопоставлю различные трактовки понятия института, здесь же еще раз подчеркну важность разделения поведенческих *практик* и *правил* поведения, использованное Парлевлье. Дело в том, что методологически оно близко к разграничению речи как *процесса* и языка как *системы*, введенному в начале XX в. Ф. де Соссюром [Соссюр, 2004, с. 38], во многом определившему последующее развитие всей сферы лингвистических исследований. Кроме того, введение названных (или иных) компонентов содержания понятия института позволяет формировать различные *теоретические типологии* его понимания посредством полного перебора сочетаний содержания этих компонентов (в данной публикации я не буду приводить и обсуждать здесь получающуюся типологию).

Экономические теории

Поскольку я рассматриваю понимание институтов в социологии, политологии и правоведении с позиций экономиста, очевидно, сначала следует охарактеризовать эти позиции. В настоящее время понятие института активно прорабатывается в рамках двух направлений: (1) традиционного (или старого) институционализма (ТИ) и (2) новой институциональной экономической теории (НИЭТ), причем внутри последней конкурируют, как минимум, два подхода к трактовке институтов – институты-как-равновесия (ИКР) и институты-как-правила (ИКП).

В отличие от ТИ начала–середины XX в., в рамках современной версии ТИ принято несколько попыток четко определить, что понимают под институтами его последователи [Searle, 2005; Morgan, Olsen, 2011; Dequech, 2013 и др.]. Я остановлюсь здесь лишь на одной из них, сделанной Дж. Ходжсоном, который в начале своей статьи справедливо отмечает: “Невозможно проводить эмпирический или теоретический анализ работы институтов или организаций, не имея некоторой адекватной концепции того, что они собой представляют”. Его общее определение формулируется так: Институты – это “системы установленных и широко распространенных социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия. Язык, деньги, право, системы мер и весов, застольные манеры, фирмы (и другие организации) – все, следовательно, являются институтами” [Hodgson, 2006, р. 1]. Понимание института как системы правил он противопоставляет при этом такому, например, определению, как “предписанные паттерны скоррелированного поведения” [Foster, 1981, р. 908], замечая: “...определение *институтов* как *поведения* ведет нас к неверному предположению, что институты перестают существовать, если ассоциированное с ними поведение прекращается” [Hodgson, 2006, р. 2–3]. Такая критика, однако, несправедлива, поскольку *программы* (паттерны) поведения вовсе не тождественны своим *реализациям*, то есть *поведению как таковому*. Очевидно, что если программа какое-то время не исполняется, это вовсе не означает, что она перестала существовать.

Важный момент, подчеркиваемый Ходжсоном, – *долговечность* институтов. По его мнению, существование систем нормативных правил создает у индивидов *устойчивые ожидания* относительно поведения других людей, что и обуславливает долговечность институтов. Здесь важно заметить, что такие ожидания, придающие институтам долговечность, *не должны* иметь характера ожиданий *причинения ущерба* субъекту. Если институт таков, что группе субъектов при следовании ему систематически нано-

¹ Например, В. Ефимов утверждает: «Недостаточно определить институты просто как совокупности правил, как делают многие авторы. Это должны быть “опривыченные” правила...» [Ефимов, 2007, с. 61]. Аналогично, А. Караяннис и А. Хатзис пишут: “Формальные институты не могут функционировать без интернализации гражданами и без надежной опоры на социальные нормы” [Karayiannis, Hatzis, 2012, р. 622].

сится ущерб, то у каждого из них возникают стимулы к *изменению* такого института, либо, как минимум, к *уклонению* от следования соответствующим правилам.

Это замечание относится и к другому моменту, выделяемому Ходжсоном: тесной связи институтов и *привычек*: "...Институты работают только потому, что входящие в них правила укоренены в разделяемых (*shared*) привычках мышления и поведения. Веблен и философы-прагматики трактуют привычку как приобретенную склонность или способность, которая может как выражаться, так и не выражаться в текущем поведении. Для установления привычки важно повторяющееся поведение. Но привычка и поведение – не одно и то же. Если мы приобрели привычку, мы не обязательно используем ее все время. Привычка – это установка заниматься тем, что ранее было усвоено или приобретено в сфере поведения или мышления" [Hodgson, 2006, p. 6]. С моей точки зрения, для приобретения привычки важно не просто повторяющееся, но *успешное для индивида* повторяющееся поведение, повышавшее значение его функции полезности. Тогда выработка привычки тождественна формированию условного рефлекса: опознание ситуации ведет к действию (или мысли), приносившему успех ранее.

В другой статье Ходжсон уточняет: "Привычка – это психологический механизм, который формирует основания для следования правилам... Привычки суть конституирующий материал для институтов, обеспечивая их повышенной долговечностью, силой и нормативной властью. В свою очередь, посредством воспроизведения разделяемых привычек мышления, институты создают мощный механизм конформизма и нормативного согласия" [Hodgson, 2007, p. 107].

Приведенные рассуждения вызывают серьезные сомнения. Во-первых, как отмечалось, только те институты, следование которым *повышает благополучие* (как бы его ни понимать, – сугубо эгонистически или с учетом интересов других) индивида, могут породить у него привычку (условный рефлекс) следовать им. Институты с другими последствиями могут выработать только привычку *избегать при возможности* руководствоваться ими. Во-вторых, отказ от привычки и отказ следовать институту вызывают разные последствия: в первом случае их просто нет (если, конечно, привычное поведение данного индивида не сопровождалось ощутимыми внешними эффектами), во втором – они могут быть весьма значительными. В-третьих, полагать привычки "конституирующим материалом" институтов затруднительно и по той причине, что первые лишены *нормативности*, они, в отличие от институтов, ничего не предписывают и не запрещают.

Характеризуя рассмотренный подход в целом, нужно отметить, что, в отличие от нечеткого (и потому неоперационального) подхода классиков ТИ начала-середины XX в., у Ходжсона понятие института становится гораздо более определенным. Другой вопрос – насколько обоснованны уточнения структуры института и выводы из его определения, связывающие институт с привычками, установками, правилами и т.п.

В рамках НИЭТ сосуществуют и конкурируют два понимания институтов – (1) как равновесий в некоторой игре (ИкР) и (2) как правил в единстве с механизмами принуждения их к исполнению (ИкП)². Соотношение названных пониманий было подробно проанализировано в [Тамбовцев, 2013], поэтому здесь я приведу только основные положения и выводы этого анализа.

По мнению М. Аоки, эти подходы разграничиваются, как минимум, по двум позициям. Первая предполагает, что в ИкР институты суть "агрегированные последствия индивидуальных рациональных выборов", в то время как в ИкП – это ограничения индивидуального выбора [Aoki, 2011, p. 21]. Такое противопоставление не представляется конструктивным: ведь конечным результатом *рационального выбора* индивидов вполне могут быть *внешние ограничения* на поведение, – как самих себя, так и других индивидов. Образ Одиссея, потребовавшего привязать себя к мачте во время плавания мимо места обитания сирен (кстати, это логотип журнала Constitutional

² Несколько особняком стоит подход Э. Остром с коллегами, разработавшими в рамках второго подхода "грамматику институтов" с довольно необычной терминологией [Crawford, Ostrom, 1995].

Political Economy), – общеизвестный пример того, как самоограничение позволяет получить большие выгоды, чем отсутствие ограничений [Root, 1989; Brennan, Kliemt, 1990]. Кроме того, сомнения вызывает продуктивность трактовки институтов как *агрегированных* последствий индивидуальных рациональных выборов. Агрегирование как некоторая мыслительная операция предполагает наличие субъекта, который бы ее осуществил. Результат агрегирования, следовательно, представляет собой не более чем мыслительную конструкцию. Кто в данном случае выступает таким субъектом, остается вопросом открытым. Кроме того, из высказываний Аоки неясно, *какие именно* конечные результаты рациональных выборов индивидов подлежат агрегированию. Иными словами, характеристика институтов как агрегированных последствий выборов оставляет безответным вопрос об их *природе*.

Вторая позиция – разграничение институтов Аоки, как “регулярности действий vs социальные когнитивные категории; разделяемые ментальные состояния vs внешние артефакты” [Aoki, 2011, p. 21]. Это противопоставление также не конструктивно: ведь регулярность действий вполне может быть обусловлена наличием у индивидов общих когнитивных моделей. Иначе говоря, институты могут выступать одновременно и как социальные когнитивные категории (результаты мыслительных операций обобщения и категоризации), и как наблюдаемые поведенческие регулярности.

А. Грейф и К. Кингстон подчеркивают другое различие ИкП и ИкР. По их мнению, критическим выступает то обстоятельство, «что хотя “правило” может служить координирующим устройством, фундаментально важно, что ожидаемое поведение других, а не правило само по себе, мотивирует поведение людей» [Greif, Kingston, 2011, p. 15]. Здесь опять налицо логическая неувязка: ожидания *per se* не могут кого-либо в чем-либо мотивировать; мотивирующим фактором служит *стремление* (или желание) *избежать ущерба*. Ведь правила как *таковые* лишены мотивирующего момента: мы следуем им, чтобы получить ту или иную пользу (например, правильно провести вычисления), либо избежать некоторого ущерба (включая, в частности, негативные эмоции). Однако в рамках подхода ИкП правила *per se* и *не трактуются* как институты: таковыми являются лишь правила *в единстве* с некоторым *внешним механизмом принуждения*.

Очевидно, определения научных понятий не могут быть истинными или ложными, они могут квалифицироваться только с точки зрения своей *продуктивности для исследования*. Под нею я понимаю предоставляемую исследователю возможность с их помощью выделять такие фрагменты реальности, которые могут быть изучены посредством доступных методов, с получением *проверяемых* результатов, то есть истинных утверждений относительно этих фрагментов. При этом “внутри” последних на основе продуктивных определений можно выделить некоторые модели (= “срезы” реальности), которые и выступают основой для генерации упомянутых проверяемых утверждений. Сравнение альтернативных трактовок институтов – как равновесий и как правил – показывает, что вторая трактовка обладает более *широкими аналитическими возможностями* (по крайней мере, для прикладных разработок).

Изучить какой-либо экономический институт, опираясь на концепцию ИкП, – значит, наполнить детальным содержанием его “формулу”, выявить стимулы, движущие как адресатами, так и гарантами, оценить последствия функционирования исследуемого института, – прямые и косвенные выгоды и издержки, включая разнообразные внешние эффекты. Такая оценка, в свою очередь, дает основания для разнообразных прикладных выводов. Например, если адресаты преимущественно несут *издержки*, а гаранты получают *выгоды*, – налицо социально неэффективный (если не сказать – социально *вредный*) институт, препятствующий росту общественного благосостояния, перераспределяющий создаваемую стоимость в пользу узкого круга лиц; для таких институтов имеет смысл разрабатывать программы коллективных действий по их преобразованию или устранению из хозяйственной жизни; если же адресаты института получают *выгоды* от его функционирования, институт социально эффективен, оплата действий гарантов вполне оправданна и т.п. Напротив, изучить институт как равнове-

сие – значит найти или логически реконструировать некоторую игру, он будет таковым выступать. Очевидно, однако, что для заданного равновесного состояния существует более нежели одна такая игра. Какая именно из их множества “порождает” институт, – вопрос, остающийся в концепции ИКР без ответа³.

Социологические теории

В этой отрасли науки, как признают сами социологи, нет единого понимания институтов (см., например, [Глотов, 2003, с. 13]). Здесь бытует широкое разнообразие определений, от абстрактно-функциональных до достаточно детально структурированных. Так, авторами “Социологического справочника” институт трактуется как форма закрепления и способ осуществления деятельности, обеспечивающих стабильное функционирование общественных отношений с помощью социальных норм и санкций [Социологический... 1990, с. 23–24]. Более двадцати лет спустя схожее общее определение приводит, например, М. Юсуфов: “Социальные институты – исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей, предопределяющие жизнеспособность любого общества в целом. Они образуются на основе социальных связей, взаимодействий и отношений индивидов, социальных групп и общностей, однако их нельзя сводить к сумме этих лиц и их взаимодействий” [Юсуфов, 2011, с. 163]. В то же время классик социологии Я. Щепаньский определяет институты как “системы учреждений, в которых определенные люди, избранные членами групп, получают полномочия для выполнения определенных и безличных функций ради удовлетворения существующих индивидуальных и общественных потребностей и ради регулирования поведения других членов групп” [Щепаньский, 1969, с. 96–97]. Тем самым в институтах он выделяет четыре основных блока: 1) определенная группа лиц, осуществляющих совместную деятельность; 2) подгруппа, выполняющая комплекс функций от имени всей группы; 3) учреждения и средства деятельности; 4) регуляции, организующие поведение членов группы. Определенную структуризацию институтов приводит, после введения общего определения, и Юсуфов: институты “включают в себя системы ценностей, идеалов, образцов деятельности и поведения, обязательных для всех, тем самым гарантируют сходное поведение людей и направляют в русло их определенные стремления, устанавливают способы удовлетворения их потребностей, разрешают конфликты, возникающие в повседневной жизни, обеспечивают состояние равновесия и стабильности в рамках той или иной социальной общности и общества в целом” [Юсуфов, 2011, с. 163].

Некоторые трактовки сближают институты с *организациями*. Например, И. Лейман определяет институт как “объединение людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности и связанных общностью функций, а также традиций, норм, ценностей; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией и отличающееся особым устойчивым характером связей и отношений как внутренних, так и внешних”, выделяя такие компоненты устройства институтов, как (а) коллектив, (б) социально значимая функция, (в) управляющие подразделения, (г) материальные учреждения [Лейман, 1971, с. 20].

Другие авторы подчеркивают определяющий характер *устойчивых взаимодействий* индивидов. Так, В. Титов предлагает понимать институт как “систему регулярно воспроизводимых взаимодействий между представителями основных статусных позиций, фиксируемых в данном социальном пространстве, которая поддерживается и контролируется с помощью формальных и неформальных норм, правил и санкций в определенных функциональных сферах (в данном случае в сфере рыночного обмена) в целях реализации исходных потребностей и мотивов контрагентов (мотив максимизации финансовой выгоды) посредством снижения неопределенности отношений, упрощения объема необходимой информации и процедур, легитимации символов

³ Критика понимания институтов в НИЭТ дана, например, в [Granovetter, 1992].

общего порядка” [Титов, 1999, с. 29]. В данном случае особую ценность приведенного определения представляет то обстоятельство, что оно дано не теоретиком, а автором *прикладного* исследования вполне определенного объекта – российского вещевого рынка 1990-х гг.

Не пытаясь проанализировать сколько-нибудь представительную выборку различных определений и исходя скорее из общего впечатления от прочтения различных работ социологов, в том числе зарубежных, попытаюсь, несмотря на различия важных деталей, выделить то *общее*, что свойственно социологическому пониманию институтов. Таково понимание института как *социальной системы*, включающей людей с их внутренним миром, их взаимо(действия), а также вещественные и социальные ограничения этих действий (включая правила или нормы).

Используя приведенные выше, в начале статьи, “строительные блоки”, можно сказать, что институты в социологии в большей или меньшей степени включают *всю их совокупность*, имея формулу $(A+B+V+Г)$, без дефиниционного выделения каких-либо *основных* блоков. Опираясь на широко известную метафору Д. Норта (“институты – это *правила* игры в обществе”), можно сказать, что для социологов институты – это *сама игра*, причем не только та, что играет в данный момент, но вся совокупность прошлых, текущих и будущих игр, игравшихся и играемых по схожим правилам, включая, разумеется, и те учреждения, которые занимаются организацией и регулированием отдельных игр.

Действительно, из анализа трудов Дж. Сёрла, Д. Спербера и Д. Росса [Searle, 2005; Sperber, 1985; 2000; Ross, 2005], которые вписываются в философское “крыло” социальных наук, можно извлечь понимание института как очень сложного устройства, включающего: 1) индивидуальные ментальные репрезентации (убеждения); 2) социальные репрезентации (язык, жесты, действия); 3) объекты (например, знаки и символы); 4) механизмы принуждения (властные отношения или механизмы самосуществления). Институты, тем самым, не суть конкретные объекты (как, например, некоторые из их составных частей), они являются *мета-репрезентациями*. Другими словами, это не только репрезентации объектов в человеческом мозге, но и *репрезентации репрезентаций*, укорененные в установках, а именно – в деонтических установках обязательств, разрешений, запретов и т.п., относящихся к сфере *намеренного*.

Широта социологического понимания институтов имеет (с исследовательской точки зрения) как положительные, так и отрицательные последствия. Первые заключаются прежде всего в том, что в любой сфере человеческой деятельности в принципе могут быть обнаружены и исследоваться некоторые институты, что расширяет объект социологического анализа. Отрицательные же способны проявиться в несопоставимости результатов и выводов работ, если в них не эксплицировано “рабочее” понимание института, на которое опирался исследователь. Кроме того, “всеядность” трактовки института затрудняет построение сопоставимых “теорий среднего уровня”, а также подбор и/или построение адекватных измерителей изучаемых поведенческих феноменов. Легко видеть, что все эти негативные моменты суть следствия фактической *размытости и нестрогости* социологического понимания институтов.

Политология

Поскольку теоретическая политология в России находится лишь на самых начальных этапах своего развития, в анализе трактовки институтов в этой области изучения поведения я буду опираться преимущественно на зарубежные источники. Исследователи политических процессов всегда имели дело с конституциями, законами, процедурами, правилами и организациями, а также, разумеется, с решениями и действиями, на которые не могли не влиять перечисленные выше феномены. Поэтому переосмысление проводимых исследований политики в терминах институционального анализа, произошедшее в 1980-е гг. [March, Olsen, 1984], когда в сфере наук об обществе стали широко распространяться подходы новой институциональной

экономической теории, можно рассматривать как очередное проявление “феномена Журдена”. В целом ряде публикаций политических исследователей [March, Olsen, 1989; Young, 1990; Finnemore, Sikkink, 1998] появились определения институтов, под которыми понимаются конфигурации социальных практик и регулирующие их правила. Как вариант этого общего понимания Р. Гудин несколько конкретизирует его: институты – это “организованные паттерны социально сконструированных норм и ролей, а также социально предписанное поведение исполнителей этих ролей, которые созданы и воссоздаются с течением времени” [Theory... 1998, p. 19]. Дж. Марч и Й. Олсен в публикации 2005 г. фактически повторили свое более раннее определение, описав институты как “совокупность структур, правил и стандартных операционных процедур, которые играют частично автономную роль в политической жизни” [March, Olsen, 2005, p. 4]. Дж. Кэмпбелл, характеризуя институты, говорит, что “они состоят из формальных и неформальных правил, механизмов мониторинга и принуждения к исполнению (*enforcement*), а также систем значений и смыслов, которые определяют контекст, внутри которого индивиды, корпорации, профсоюзы, национальные государства и другие организации действуют и взаимодействуют друг с другом. Институты суть установления, рожденные из борьбы и сделок. Они отражают ресурсы и власть тех, кто их создал и, в свою очередь, влияют на распределение ресурсов и власти в обществе” [Campbell, 2004, p. 1].

Специфической чертой институциональных исследований в политологии стало введение и распространение представлений о нескольких (точнее, трех) новых институционализмах [Hall, Taylor, 1996]. При этом П. Холл и Р. Тейлор говорят об историческом, социологическом и основанном на рациональном выборе (*rational-choice*), а например, Кэмпбелл заменяет социологический на организационный институционализм [Campbell, 2004, p. 2–3]. Несмотря на такие различия, политологи-институционалисты в целом склоняются к тому, чтобы именно *исторический институционализм* (ИИ) считать той его версией, которая в наибольшей степени соответствует задачам политической науки.

“Как исторические институционалисты определяют институты? В общем и целом, они определяют их как формальные или неформальные процедуры, рутины, нормы и конвенции, укорененные в организационной структуре политической системы (*polity*) или политической экономии. Они могут варьировать от правил конституционного порядка или бюрократических стандартных операционных процедур до конвенций, регулирующих поведение профсоюзов или отношения между банками и фирмами. В целом, исторические институционалисты ассоциируют институты с организациями и правилами или конвенциями, введенными в действие формальными организациями” [Hall, Taylor, 1996, p. 938]. Такое понимание отличается от социологических трактовок институтов отсутствием явного упоминания политических *практик* и их “символического” слоя, хотя Холл и Тейлор подчеркивают лишь последнее расхождение: «...социологические институционалисты определяют институты гораздо шире, чем политические исследователи, включая (в это понятие. – В.Т.) не только формальные правила, процедуры и нормы, но также символические системы, когнитивные сценарии (*cognitive scripts*)⁴ и моральные эталоны, которые обеспечивают “смысловые фреймы”, руководящие человеческими действиями» [Hall, Taylor, 1996, p. 947].

ИИ отделяет себя также и от институционализма рационального выбора (ИРВ), из-за его “греха” функциональных объяснений, поскольку он стремится “объяснить развитие институтов ссылками на эффективность, с которой они служат материальным целям тех, кто их принимает” [Hall, Taylor, 1996, p. 949]. Другой “грех” ИРВ – опора на дедуктивные методы и теоретические модели. Как отмечает К. Телен, “очень часто исторические институционалисты начинают с эмпирических загадок, возникающих

⁴ В предложенной Р. Шенком и Р. Абельсоном теории когнитивные сценарии суть средства организации повседневного опыта людей, включающие (неосознаваемые) инструкции относительно ожиданий и поведения в различных ситуациях [Schank, Abelson, 1977].

из наблюдаемых событий или сравнений... Теоретики рационального выбора часто работают совсем иначе, выводя свои загадки из ситуаций, где наблюдаемое поведение отличается от того, которое предсказывает общая теория”. Наконец, ИИ и ИРВ расходятся и в логике исследований: ИРВ “отправляется от индивидов и спрашивает, откуда берутся институты, в то время как исторические институционалисты отправляются от институтов и спрашивают, как они влияют на поведение индивидов” [Thelen, 1999, p. 373–374, 379].

Не следует, однако, считать, что в политических исследованиях ИИ является *единственно* применяемым. Здесь, как и во всех науках об обществе, сосуществуют разные исследовательские программы. Так, Г. Хелмке и С. Левицки исключают из определения института организации, полагая *стандартным* (со ссылкой на Д. Норта и Дж. Найта) понимание института как “правил и процедур (как формальных, так и неформальных), которые структурируют социальные взаимодействия, ограничивая и поддерживая поведение акторов” [Helmke, Levitsky, 2004, p. 727]. Преобладание же в политологии ИИ вполне объяснимо трудностями формализации политического процесса, а также более чем весомой ролью в нем конкретных индивидов (политических акторов) и конкретных исторических обстоятельств, что, естественно, практически невозможно “уловить” сколько-нибудь общей формализованной моделью.

Правоведение

Как зарубежное, так и отечественное правоведение использует понятие института в смысле, близком к его социологическому пониманию. Так, Р. Саммерс, говоря о “функциональных юридических единицах”, относит к их числу и “юридические институты, такие как законодательные органы, суды, правительственные агентства, корпорации и другие частные юридические лица” [Summers, 2005, p. 11]. Г. Артурс и Р. Креклевич полагают, что термин “юридический институт” включает “не просто формально конституированные органы государственного права, но скорее все текущие, повторяющиеся или организованные социальные взаимодействия, государственные и негосударственные, формальные и неформальные, явные и неявные” [Arthurs, Kreklewich, 1996, p. 3]. С. Алексеев трактует саму категорию права в качестве социального института: “...позитивное право существует и действует в виде *системы институтов*, то есть в виде *институционального образования*”; с его точки зрения, к числу социальных институтов также “относятся государство, религиозные (церковные) учреждения, самостоятельные организации, организации самоуправления. К их числу принадлежит и позитивное право” [Алексеев, 2001, с. 117, 118].

Вместе с тем в литературе имеются и попытки охарактеризовать юридические институты как *отличные* от институтов социальных. Так, Д. Рюитер определяет юридические институты как “системы действующих (*valid*) представлений о том, что должно иметь место в социальной реальности для того, чтобы о них можно было говорить как о существующих в том же смысле, что и социальные институты”. При этом (социальные) институты, с его точки зрения, могут быть охарактеризованы “как системы правил, управляющих отдельными социальными действиями в контексте всеобщего (*comprehensive*) социального порядка. Если такие системы состоят из правил, которые выводят свою действенность (*validity*) из юридического порядка, они являются юридическими институтами” [Ruiter, 1997, p. 357, 358].

Раскрывая свое понимание, он пишет: “Юридический институт – это представление о феномене, который, кратко говоря, должен быть воплощен в реальность (*ought to be made true*)”, приводя далее классификацию таких феноменов: юридические лица, юридические качества, юридический статус, персональные юридические отношения, юридические конфигурации, объективные юридические отношения, юридические объекты [Ruiter, 1997, p. 363, 365]. Конкретизируя введенные понятия, Д. Рюитер утверждает, что “корпорации, права собственности, публичные власти и контракты *суть системы юридических правил* (курсив мой. – В.Т.), функционирующие в соци-

альной реальности как если бы они существовали в физическом смысле” [Ruiter, 1997, p. 358].

В последнем утверждении, как в капле воды, отражается принципиальный недостаток всей концепции: отсутствие в ней *индивида* как главного (и единственного) действующего лица во всей социальной реальности. Действительно, согласно Рюитеру, социальными действиями могут управлять *правила*, как если бы они несли некоторый “нормативный заряд” *сами по себе*⁵, без стремлений индивидов (по тем или иным причинам) следовать им. Корпорации мыслятся им как *системы правил*, а не как организации, состоящие из *людей*, действующих как по правилам, так и без правил⁶; публичные власти (*public authorities*) – это прежде всего индивиды, которые как следуют некоторым правилам, так и вводят их для других индивидов, в том числе и для себя, и т.д. Тем самым, *явное* отсутствие индивидов, действия которых только и формируют социальную реальность, приводят к искаженному образу этой самой реальности, в которой, как бы независимо от индивидов, самостоятельно действуют правила и институты. Подчеркну еще один важный момент подхода Рюитера: отсутствие в нем упоминаний о *механизмах принуждения* (юридических) правил к исполнению и, соответственно, всей проблематики *стимулов* следовать (или не следовать) правилам.

В отечественном правоведении понятие *юридического института* (или института права) имеет (как и в других системах кодифицированного, или континентального права) смысл особой таксономической единицы: “*Институт права* — это сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений” [Матузов, Малько, 2004, с. 315–316] (ср. также [Перевалов, 2005, с. 130; Якушев, 1970, с. 67]). Ту роль, которую в НИЭТ играет понятие *института*, здесь выполняет понятие *нормы*: “Норма права – это общеобязательное правило поведения, установленное или санкционированное государством и обеспеченное его принудительной силой” [Лищук, Рузакова, Рукавишников, 2004, с. 16] (ср. [Абдулаев, 2004, с. 187–188]). Легко видеть, что это определение практически совпадает с определением *формального института* как состоящего из правила и специализированного механизма принуждения его к исполнению. Сходство есть и в понимании структуры институтов в НИЭТ и норм в отечественном правоведении: “Норма права характеризуется четкой структурой, которую составляют следующие элементы: гипотеза, диспозиция, санкция. Гипотеза – это часть правовой нормы, устанавливающая обстоятельства, при которых правило поведения (норма) подлежит применению и круг адресатов нормы. Диспозиция – это часть юридической нормы, содержащая само правило поведения (то есть права и обязанности), которому должны следовать лица, вступающие в правоотношения. Санкция – это часть правовой нормы, указывающая на неблагоприятные последствия, возникающие у субъектов правоотношений в результате нарушения ими правила поведения, содержащегося в диспозиции” [Лищук, Рузакова, Рукавишников, 2004, с. 18].

В моем понимании структура института включает следующие компоненты: (1) *ситуация С*, определяющая условия, в которых действует правило **R**; (2) *индивид I*, к которому относится правило **R**, или *адресат* правила; (3) *действие А*, предписываемое, запрещаемое или разрешаемое **R** (*содержание* правила); (4) *санкции S* за неисполнение **A**, применяемые к **I**; (5) *гарант правила G*, то есть субъект, применяющий эти санкции к нарушителю. Очевидно, гипотеза соответствует блокам (1) и (2), диспозиция – блоку (3), санкция – блоку (4). Блок (5) в структуре юридической нормы отсутствует, что вполне понятно: в любой такой норме гарант – государство.

⁵ Как справедливо заметил треть века назад Остром, “правила не являются ни самоформулирующимися, ни самоопределяющимися, ни самоисполняющимися. Все, что с ними происходит, делают люди, движимые теми или иными мотивами и стимулами, и принимающие соответствующие решения при определенных ресурсных ограничениях” [Ostrom, 1980, p. 14].

⁶ Схожее замечание можно сделать и относительно бытующего в рамках НИЭТ понимания фирмы как сети контрактов [Jensen, Meckling, 1976] (см. анализ различных теорий фирмы в [Тамбовцев, 2010]).

Замечу, что в этой связи необоснованной представляется критика понятия нормы Т. Дуран, которая утверждает: “Нетрудно заметить, что норма трактуется как элемент самой себя. То есть если норма — это правило, то она сводится к диспозиции, если норма — интегральное образование трех элементов, то почему ее суть сводится к одной составляющей? Понятно, что норма не может состоять из самой себя и чего-то другого” [Дуран, 2009, с. 109]. Ведь правовая норма, как показывают приведенные выше определения, это не правило, а правило *плюс* санкции!

Также нужно отметить, что в традиции общего права юридическое правило (*legal rule*, аналог отечественной правовой нормы) “мыслится как состоящее из двух связанных частей. Первая часть специфицирует факты, к которым применяется правило (*operative facts*), в то время как вторая часть определяет, какая именно норма применяется при наличии этих фактов (*legal consequences*)” [Ruiter, 1997, p. 362–363]. Более формально “юридическое правило типично утверждает, что когда имеют место описанные в общем виде предпосылки (*P*), возникают определенные санкции (*C*). Правило, следовательно, имеет форму силлогизма: когда предпосылки правила (*P*) реализуются в фактической ситуации (*F*), возникают последствия (*C*). Это большая посылка. Меньшая посылка состоит в том, что фактическая ситуация (*F*) включается в (*P*), то есть (*F*) есть частный случай (*P*). Отсюда логически следует заключение применять в ситуации *F* санкции *C*” [Maxeiner, 2010, p. 1268]. Совсем кратко эту структуру описывает К. Энрайт: “Большинство юридических правил имеет общую структуру. Она включает посылки и выводы, связанные логическим следованием” [Enright, 2012, p. vi].

Используя предложенную структуру института, можно сказать, что *посылки* соответствуют блоку (1), а юридические *выводы* – блоку (4). Соответственно, задача *жюри присяжных* в рамках судебного процесса – установление (материальных) фактов, чтобы определить, какому именно набору элементов соответствует разбираемый судом конфликт, а задачей *судьи* – определить, “входом” в какое конкретное правило является установленный набор фактов, после чего он и принимает решение, соответствующее описанным в этом правиле последствиям [Walt, 2006].

* * *

Проведенное сопоставление содержаний понятия института в ряде наук об обществе не имело своей целью выделить “правильные” и “неправильные” понимания или как-то иначе оценить их. Я видел свою задачу в другом: помочь представителям разных наук точнее представлять, что именно имеют в виду их коллеги, работающие в других дисциплинах, используя термин “институт”. Разумеется, здесь удалось отразить лишь малую часть всех оттенков этих пониманий, однако хочется надеяться, наиболее значимые различия пониманий в этой статье все же отражены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулаев М.И. Теория государства и права. Учебник для вузов. М., 2004.
Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10.
Дуран Т.В. Социальный институт: традиционное понятие в новой интерпретации // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2009. № 4 (70).
Ефимов В. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. 2007. № 8.
Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л., 1971.
Лищук В.В., Рузакова О.А., Рукавишников С.М. Основы права. М., 2004.
Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004.
Перевалов В.Д. Теория государства и права. М., 2005.
Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2004.
Социологический справочник / Под ред. В.И. Воловича. Киев, 1990.

- Тамбовцев В.Л.* Институты-как-равновесия vs институты-как-правила // Журнал экономической теории. 2013. № 4.
- Тамбовцев В.Л.* Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 1.
- Титов В.Н.* Вещевой рынок как социальный институт // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
- Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.
- Юсуфов М.М.* Концептуализация понятия социальный институт в современной социологии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4.
- Якушев В.С.* О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6.
- Aoki M.* Institutions as Cognitive Media between Strategic Interactions and Individual Beliefs // Journal of Economic Behavior and Organization. 2011. Vol. 79. Is. 1–2.
- Arthurs H.W., Krekewich R.* Law, Legal Institutions, and the Legal Profession in the New Economy // Osgoode Hall Law Journal. 1996. Vol. 34. № 1.
- Brennan G., Kliemt H.* Logo Logic // Constitutional Political Economy. 1990. Vol. 1. № 1.
- Campbell J.L.* Institutional Change and Globalization. Princeton, 2004.
- Crawford S.E.S., Ostrom E.* A Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. № 3.
- Dequech D.* Economic Institutions: Explanations for Conformity and Room for Deviation // Journal of Institutional Economics. 2013. Vol. 9. Is. 1.
- Enright C.* Drafting a Statute: a Reader's Perspective. 1st edition. Newcastle: Maitland Press. December 12, 2012 (<http://www.legalskills.com.au>).
- Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52. № 4.
- Foster J.F.* The Papers of J. Fagg Foster // Journal of Economic Issues. 1981. Vol. 15. Is. 4.
- Granovetter M.* Economic Institutions as Social Constructions: A Framework for Analysis // Acta Sociologica. 1992. № 35.
- Greif A., Kingston C.* Institutions: Rules or Equilibria? // Political Economy of Institutions, Democracy and Voting. Berlin–Heidelberg, 2011.
- Hall P., Taylor R.* Political Science and The Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44. Is. 5.
- Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: a Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. № 4.
- Hodgson G.M.* Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // Organization Studies. 2007. Vol. 28. № 1.
- Hodgson G.M.* What are Institutions? // Journal of Economic Issues. 2006. Vol. 40. Is. 1.
- Jensen M.C., Meckling W.* Theory of the Firm: Managerial Behaviour, Agency Costs, and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. № 4.
- Karayiannis A.D., Hatzis A.N.* Morality, Social Norms and the Rule of Law as Transaction Cost-saving Devices: the Case of Ancient Athens // European Journal of Law and Economics. 2012. Vol. 33. Is. 3.
- March J.G., Olsen J.P.* Elaborating the “New Institutionalism”. Arena Working Paper 11/2005.
- March J.G., Olsen J.P.* Rediscovering Institutions: the Organizational Basis of Politics. New York, 1989.
- March J.G., Olsen J.P.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. № 3.
- Maxeiner J.R.* Pleading and Access to Civil Procedure: Historical and Comparative Reflections on Iqbal, a Day in Court and a Decision According to Law // Penn State Law Review. 2010. Vol. 114. № 4.
- Morgan J., Olsen W.* Conceptual Issues in Institutional Economics: Clarifying the Fluidity of Rules // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. Is. 3.
- Ostrom V.* Artisanship and Artifact // Public Administration Review. 1980. Vol. 40. № 4.
- Parlevliet J.* Defining (Informal) Institutions // Informal Institutions: How Social Norms Help or Hinder Development. Paris, 2007.
- Root H.L.* Tying the King's Hands: Credible Commitments and Royal Fiscal Policy During the Old Regime // Rationality and Society. 1989. Vol. 1. № 2.
- Ross D.* Economic Theory and Cognitive Science: Microexplanation. Cambridge, Mass., 2005.
- Ruiter D.W.P.* A Basic Classification of Legal Institutions // Ratio Juris. 1997. Vol. 10. № 4.
- Schank R.C., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals, and Understanding: an Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, 1977.

- Searle J.R.* What is an Institution? // *Journal of Institutional Economics*. 2005. Vol. 1. Is. 1.
- Sperber D.* Anthropology and Psychology: Towards an Epidemiology of Representations // *Man*. 1985. Vol. 20.
- Sperber D.* Metarepresentations in an Evolutionary Perspective // *Metarepresentations: a Multi-disciplinary Perspective*. New York, 2000.
- Summers R.S.* Form and Function in Discrete Legal Units and in a Legal System as a Whole // *Rechtsphilosophie & Rechtstheorie*. 2005. Vol. 34. № 1.
- Thelen K.* Historical Institutionalism in Comparative Politics // *Annual Review of Political Science*. 1999. Vol. 2.
- The Theory of Institutional Design*. Cambridge, 1998.
- Walt L.M. van der.* Comparative Method: Comparing Legal Systems and/or Legal Cultures? // *Speculum Juris*. 2006. Vol. 20. № 1.
- Young I.* Justice and the Politics of Difference. Princeton, 1990.

© Б. Тамбовцев, 2015